

Гарик (Игорь Иванович) Сукачев — личность модная...

Он разнообразен, и каждый находит в нем, в его песнях что-то близкое. Одним нравятся простые, на первый взгляд, стилизации под городской фольклор 50-х, другие с тоской вспоминают декадентские времена «Бригады С», третьи без ума от лиричных и философских песен «Неприкасаемых».

Гарик — поэт, певец и артист. Его музыка проходит через него самого, всякий, кто был на его концерте, знает, что Сукачев переживает заново каждую свою песню. Вместе со стихами его лицо мгновенно меняет выражение грусти и печали на озорную веселость. Его тело живет эмоциями, о которых поет его голос.

После концертов Гарика его причесанные и смикшированные записи кажутся лишь пародией на живые песни. Пусть на концерте его голос забивает гитары и саксофон, пусть иногда из-за саксофона не слышно самого Гарика, но ведь так и надо. Чтобы у каждого пробежали мурашки по спине, когда он слышит знакомые такты...

— Тебя преследуют воспоминания?

— Да, но я не тоскую о прошлом. Для меня сиюминутные переживания гораздо важнее. Но когда я приезжаю в Тушино и прохожу мимо дома, в котором родился, то мне кажется, что время встало раз и навсегда...

Представьте себе Тушино начала семидесятых. Кирпичные дома, построенные пленными немцами. Палисадники. В каждом палисаднике беседка, доминошная и клумбочка кротких анютиных глазок. В доминошных сидят мужики и весь день режут домино. А если день получки, то выпивают с утра и до вечера, пока, наконец, не приходят их жены и с бранью не разводят их по домам. Молодежь сидит в беседках и играет на гитарах, а если это чужой двор, то выжигает на скамейках, в лучшем случае, свои имена...

Дворы живут замкнуто и зачастую враждебно. Если рядом с 37-м домом стоит 39-й, то ребята из этих домов могут дружить между собой и никогда не заходить во двор 35-ого дома.

Вся дворовая жизнь связана с музыкой. В каждом ЖЭКе свой гитарист, в каждом подвале или школе — свой ансамбль. Вот эти ансамбли и играют по вечерам на танцплощадках в Тушино: в ДК «Салют», в «Красном Октябре» или на Трикотажке.

Я часто ходил на районные танцы, почти каждый вечер. Особенно часто на Трикотажку — чулочно-трикотажную фабрику. У них был свой дворец культуры, и там играли неплохие ансамбли. Я очень редко танцевал, больше стоял у сцены и смотрел на музыкантов. Потом мы собрали свою группу. Она называлась «Закат солнца вручную». Нам всем было лет по тринадцать, и играли мы плохо. Для того, чтобы играть «Битлов», надо хоть что-то уметь, а мы ничего не умели. Поэтому пришлось сочинить собственные песни, из которых сейчас я не помню не единой строки, так, банальщина про любовь...

Отец Гарика, деда Ваня, как называли его домашние, всю жизнь играл на духовых инструментах. По сей день он выходит на сцену в сером костюме семидесятых годов, при галстукке, в роговых очках и каждый раз, волнуясь, дудит «Вальс Москва» в золотую трубу.

Гарик плохо учился. Деда Ваня переживал. Думал с отчаянием, что нужно выбирать между музыкой, спортом и учебой, и крушил о стены шестнадцатирублевые гитары любимого

сына, чтобы тот сделал правильный выбор. Потом, когда буря утихала, шел в магазин за новыми гитарами.

Гарик:

— Несмотря на все легкие воспоминания детства, я никогда не обольщался по поводу окраины. В окраине много зла, гораздо больше, чем добра. Окраина — это драки, это приводы в милицию, это портвейн, это секс в подъездах. Но все это было в самой первой юности, и поэтому даже воспоминания о зле расцвечены для меня печальным романтизмом. Люди окраины придумывают себе центр, люди центра придумывают себе окраину, но на деле и окраина, и центр совсем не такие...

Дети подземелья.

Группа «Закат солнца вручную» просуществовала с 77-го по 83-й годы. В 83-м появилась группа «Постскриптум». В это же время в Москве расцвело движение хиппи, и многие музыканты из окраинных беседок и из центра отрасли длинные волосы, надели заплатанные джинсы и повесили ксивники на шею.

Гарик:

— Движение хиппи пришло в Россию с опозданием. Русский хиппизм был страшен и неуклюж. Он весь состоял из противоречий. Он был завязан на музыке, на наркотиках, на всех религиях мира и по своей силе он походил, скорее, на движение народовольцев. С одной стороны, стояли глухие бесперспективные времена, с другой — нас отупляло отчаянное желание свободы, за которое многие из хиппи поплатились жизнью.

Группа «Постскриптум» — это безумные концерты под Москвой, кражи печатей в МАИ для того, чтобы подделать разрешение на эти концерты; поездки автостопом. Силы были сокрушительные.

Например, до сих пор рассказывают о человеке по прозвищу Красноштан. Красноштан прославился тем, что сшил себе штаны из красного флага, причем таким манером, что зад прикрывали перекрещенные серп и молот. По тем временам это было равносильно самоубийству. Второй «библейской» величиной был Солнце. Про них ходили легенды: «Красноштан сказал то-то, а Солнце ему ответил... Их обоих видели там-то...»

В первый и последний раз я увидел их в начале 90-х. Я думала, что это герои в ореоле славы, а это были совершенно разбитые, опустившиеся люди. Оба они страшно умерли. Красноштан кажется, замерз.

Еще один легендарный хиппи 70-х — Цимерман умер сразу же после Олимпиады. Он совершенно сознательно отказался от еды и заморил себя голодом. Но в 70-е русские хиппи совершенно не задумывались о том, что их ждет лет через десять-пятнадцать. Они жили текущим днем только ради идеи. Тогда еще никто не предполагал губительного действия наркотиков, знали понаслышке, что от наркотиков умирают, но какой смертью — никому думать не хотелось.

Точно так же как и полудетская группа «Закат солнца вручную», группа «Постскриптум» отражала свою эпоху, и когда эпоха кончилась, — «Постскриптум» распался.

Гарик:

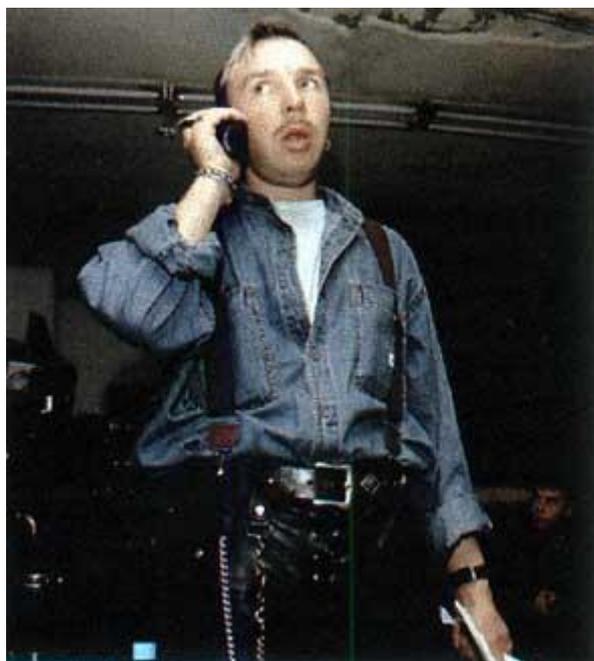
— У нас была хорошая коммуна, но я по своей натуре разрушитель. Мне нравится что-то создавать вокруг себя, отрабатывать идею, и когда идея исчерпывает сама себя, я все разрушаю. Группа «Постскриптум» отыграла свое, точно так же, как и «Бригада С».

Время свободы, или На смену 80-м пришли 90-е.

Во МХАТе, в Камергерском проезде, открылся «Вудсток». В «Вудстоке» я записывала интервью с Игорем Сукачевым. «Вудсток» — приятный бар: играют хорошие группы, приходят кино— и телезвезды, мхатовские актеры; вот только по углам сидят люди и пронзительно разглядывают вас; смотрят с тоской и ненавистью и тихо переговариваются между собой. Если вслушаться в их разговор, то ничего особенного там нет, — обычный разговор за пивом; но вдруг между словами промелькнет что-то страшное и угрюмое, «пальцы веером», как будто бы это «что-то» они долго и тщательно скрывали, но оно все равно вылезло и взяло над ними верх, над их богатой, свободной жизнью. Они выкидывают огромные деньги только для того, чтобы ходить в те места, куда ходите вы, они презирают вас за то, что у вас таких денег нет, они ненавидят вас за свои ошибки в русском языке, они тоскуют от того, что вы их боитесь.

Наш разговор с Гариком продолжался.

— О ком из того времени ты бы хотел вспомнить? Может быть, ты знал какихто талантливых людей, которые не состоялись при жизни и о которых до сих пор говорят вполголоса?

— Да, я приятельствовал с мертвецами. Некоторые из них ушли не так давно. К сожалению, мы понимаем значение человека, находящегося поблизости, только после его смерти. Когда он рядом, мы его не замечаем: «Талантливый парень, но водку пьет». Потом мы вдруг видим, что этого человека не стало, и на его месте зияет пустота. И когда мы это понимаем, то становимся старше. С каждой новой смертью мы становимся старше. Чужие смерти старят... Талант — это прежде всего защита от смерти, но талант может и погубить.

**И труд нелеп, и бесполезна праздность,
И с плеч долой все та же голова,
Когда приходит бешеная ясность,
Насилуя притихшие слова..**

— Тебе знакомы эти строки?

— Да.

— Ты знал этого человека?

— Нет... «Знать» — это слишком глубокое понятие. Можно видеть человека один раз или каждый день, с ним можно выпивать, и при этом не знать о нем ровным счетом ничего. Когда Башлачев появился в Москве, и его стихи, и его манера петь меня тогда страшно нервировали. Я знал, что это, безусловно, большой поэт. Может быть, ему на стихи был отведен точно такой же короткий отрезок жизни, как Артюру Рембо, когда человек выдал — и все. Он был, как явление ангела, который пролетел над нами, чтобы никогда не вернуться. О Башлачеве заговорили после его смерти, да и при жизни говорили о нем. Но ведь были люди, о которых замолчали еще при жизни, потому что тема оказалась исчерпанной.

— **И что это за люди?**

— Дима Певзнер, например. Он уехал из страны сразу же, как только открыли «железный занавес». И когда я увидел его здесь, в Москве, в 91-м году, я его не узнал. Он был очень талантлив. Необыкновенно. Мы все прошли через его песни. Когда я спросил его: «Ты написал что-нибудь за эти годы?», — он ответил мне: «Нет. А зачем писать?» Когда он уехал, я по нему грустил, я думал о нем, я очень хорошо его помнил, но сейчас передо мной стоял совершенно другой человек, которого я не знал. А ведь Певзнер, сам того не желая, был нашим учителем.

— **Они были знакомы с Башлачевым?**

— Да. У Сережи Шкодина был тогда самый известный салон нон-конформистов 80-х. И вот к нему приехал Башлачев. Они дружили. В тот вечер среди приглашенных был Певзнер. Башлачев спел, потом все выпили, и гитару взял Певзнер. У него были невероятно длинные песни. Он записывал их на обрывках бумаги, на каждом обрывке по строфе. Он доставал эти обрывки, не соблюдая никакой последовательности, но они сами собой выстраивались так, что при перемене мест каждый раз получался новый смысл. Он был питоном, я кроликом. Когда Певзнер закончил, я вышел из комнаты. Смотрю, на кухне стоит Башлачев и курит свой «Беломор». Я подошел к нему и говорю: «Старик, пойдём туда». А он мне сказал: «После Певзнера нет смысла писать». — «Почему?» — спросил я. «Потому что Певзнер — гений!». Он был потрясен.

— **Гарик, ты холодный человек?**

— Нет... Я думаю, нет... Потому что я знаю, что такое любить и что такое дружить. Допустим, на протяжении многих лет любить женщину и совершенно не понимать, чем ты ее держишь и чем она держит тебя. Вроде бы влюбленность и бешеный секс остались в ранней юности. Но чувство, которое испытываешь, необъяснимо. Какая-то тоска, печаль. Вдруг она повернулась — и раз! — что-то внутри оборвалось...

И обернулся на взгляд из угла — жалкий и презрительный.

— **А о них что ты можешь сказать?**

— А мне нечего о них сказать. Они сожрут друг друга, как крысы.

Гарик:

— Я страстно люблю жизнь, мне нравится смотреть на детей, как они растут; мне нравится, что все меняется вокруг меня. Да, я думаю о смерти, но смерть мне не интересна, о ней нечего сказать, потому что никто не знает, что стоит за ней. Смерть однообразна, а жизнь многолика. Я выбрал жизнь. А что касается сцены, то я слишком профессионал, и уже могу позволить себе «не надрываться»!

Екатерина Садур
Журнал "29" (иллюстрированный литературный журнал) № 7
Фото: П.Лепешкин (агентство «База»)